

„душа“, прямо именуемая „бессмертной“¹. Помещик Шеншин мог бы возразить на это, что за стихи Фета он не отвечает. «Поэзия есть только запах вещей, а не самые вещи»².

При всем различии характеров Фета и Григорьева их объединило главное. «Связующим нас интересом оказалась поэзия, которой мы старались упиться всюду, где она нам представлялась, принимая иногда первую лужу за Ипокрену»³. Они вместе «с упоением завывали» при чтении недолгого любимца русской публики Бенедиктова, хорошо знали Байрона и французских романтиков (их поклонником был Аполлон), «поэта-мыслителя» Шиллера и «поэта объективной правды» Гете (определения Фета). В григорьевском доме бывали будущие поэт Я. Полонский, историк С. Соловьев, юрист и публицист К. Кавелин, художник П. Боклевский. «В небольших комнатах стоял стон от разговоров, споров и взрывов смеха»⁴. В такой насыщенной интеллектуальным кислородом атмосфере попытки собственного творчества были почти неизбежны. Закрученные спирали, наконец, выносят цветок на поверхность. Первые поэтические произведения, о которых вспоминает Фет, были неожиданными. По заказу Введенского появились «сатирические стихи на совершенно неизвестную мне личность офицера, ухаживающего за предметом его страсти». Введенский, принявший на себя роль «старика Державина», произнес: «Вы несомненный поэт, и вам надо писать стихи».

«И вот жребий был брошен. С этого дня, вместо того чтобы ревностно ходить на лекции, я почти ежедневно писал новые стихи, все более и более заслуживающие одобрения Введенского»⁵.

Вскоре эстафету поклонения и поощрения принимают другие. Друг Аполлон, хотя сочиняет и сам, бескорыстно восхищается, собирает фетовские наброски, переписывает их своей рукой. М. П. Погодин, по свидетельству самого Фета, показывает тетрадку его стихов

¹ Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 390 (комментарий А. Тархова).

² Письмо С. В. Энгельгардт от 19 октября 1860 г. // Фет А. А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 375.

³ Фет А. Ранние годы моей жизни. С. 151.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Там же. С. 136.

Гоголю, живущему в его доме, и, возвращая ее, передает реплику живого классика: «Гоголь сказал, это несомненное дарование»¹.

Уже в 1840 году (в один год с Лермонтовым) второкурсник-второгодник Московского университета выпускает первую книгу. В ней были баллады и идиллии, элегии и эпитафии; сатир не было вовсе. А издавалась она на деньги, взятые займы у жившей в отцовском имении гувернантки, с которой автора связывали взаимные симпатии и обещания принадлежать друг другу. «Мало ли о чем мечтают 19-летние мальчики! Между прочим, я был уверен, что, имея я возможность напечатать первый свой стихотворный сборник, который обозвал „Лирическим Пантеоном“, то немедля приобрету громкую славу и деньги, затраченные на издание, тотчас же вернутся сторицей»².

Громкой славы не получилось. Деньги, кажется, тоже вернуть не удалось. Но книгу заметили. В «Библиотеке для чтения» ее обругал О. Сенковский (Барон Брамбеус). В «Отечественных записках» похвалил П. Кудрявцев (без подписи). Белинский посчитал, что «скуп», добавив в письме будущему шурина Фета В. П. Боткину: «А г. Ф. много обещает!»³ Вскоре Фета начинают активно печатать журналы — «Москвитянин», «Отечественные записки» (в это время его нелюбимая фамилия и теряет две точки над е: Фёт превращается в Фета).

Но сороковые годы были не лучшей эпохой для поэзии. Только что ушли Пушкин и Лермонтов, интерес к лирике падал, внимание публики переключалось на прозу, стихи в журналах использовались как прокладка между романами, да и вообще литература в последние семь лет Николаевского царствования стала делом опасным и неприбыльным.

Окончание университета (1844) совпадает у Фета с очередной жизненной драмой. Осенью в Пятигорске внезапно умирает П. Н. Шеншин, обещавший обеспечить будущее племянника. Деньги, бывшие при нем, куда-то исчезают. Почти одновременно умирает мать.

Самая тяжелая минута в вашей жизни?

¹ Там же. С. 141.

² Там же. С. 169.

³ Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 428.